

СТРИЖАМ*

(Послание обер-стрижу, господину Достоевскому)

Текст статьи воспроизведен по изданию: М. А. Антонович. Литературно-критические статьи. М.--Л., 1961.

** Мы решительно не одобряем ни чересчур редкого тона этого "послания", ни его бесцеремонных полемических приемов, а печатаем его единственно во уважение его цели, которая действительно стоит того, чтобы для ее достижения употребить даже те неодобрительные средства, какие употребил автор послания. - Ред.*

Я понимаю ваше огорчение. До сих пор вы жили довольно покойно; хотя читатель и видел, что в вас есть что-то уморительное, что вы пропагандируете отчасти розовую магию, отчасти столоверчение, но как назвать это уморительное, какое имя присвоить его усердным производителям, не знал или затруднялся. Вас называли почвой, но это было слишком много и серьезно для вас, потому что вы не стоили и такого названия; затем называли вас "птицами", сидящими в роще и мирно толкующими, но это было слишком неопределенно, потому что птицы бывают разные, даже умные и полезные, к коим вас, конечно, нельзя причислить. Весь мир затруднялся, какое имя дать вам; я вывел его из затруднения; "это стрижи", сказал я, и все стало ясно. Ясно не только для читателя, но и для вас самих. Теперь ни один из вас по улице не может пройти, чтоб не услышать кругом досадного возгласа: "а это вот стриж идет". Теперь ни одному из вас нельзя посмотретья в зеркало, чтоб не сказать себе: "в этом зеркале я вижу стрижа". Сознаюсь, это положение горькое, и хоть кого, даже каменного человека, оно может подвинуть на кровную месть тому, кто поставил его в такое положение, -- и вы решились отомстить.

Но кому же мстить, кто этот злодей -- автор "стрижей"? Вероятно, это г. Щедрин, подумали вы; обратились к вашему вестовщику, он подтвердил ваше предположение, но только вы не заметили, каким тоном он это сделал; и вся ваша злоба обрушилась на г. Щедрина. Закипела ваша месть, пошли вы разведывать, какие статьи в "Современнике" писал г. Щедрин, чтобы и их распушить; вестовщики ваши бегали до упаду и собирали непечатные материалы для поражения вашего мучителя, г. Щедрина, признанного вами автором "стрижей". И таким образом месть совершилась, вы нацарапали в вашем журнале: "Господин Щедрин, или раскол в нигилистах".

Бедные стрижи! вы сделались жертвою самой смешной мистификации; вас надули, автор "стрижей" вовсе не г. Щедрин, а я, ваша месть попала не туда, обрушилась на неповинную голову. Итак, оставьте в покое г. Щедрина по делам об изобретении стрижей, а обращайтесь единственно и исключительно ко мне, к настоящему автору и изобретателю "стрижей"; я дорожу своим изобретением и не потерплю, чтобы честь его приписывали другому. Пусть г. Щедрин ведается с вами, как ему угодно, по поводу тех сплетней, которые вы печатно разглашаете про него; захочет он отвечать вам, или же просто плюнет на вас и смолчит, это зависит от его доброй воли и благоусмотрения. Я же другое дело, я не могу оставить вас без ответа и вообще оставить вас; я вас открыл, изучил, описал, дал вам имя, я, так сказать, создал вас, и потому имею не только право, но и прямую обязанность заниматься вами, дрессировать, учить и вразумлять вас, вообще вести путем прогресса; потому что уж если для вас и невозможно перерождение в какую-нибудь другую порядочную птицу, то из вас могут выйти, при тщательном уходе и путем "искусственного подбора", порядочные стрижи, улучшенная порода стрижей. Силу моего влияния на вас я испытал на деле, и, кажется, она достаточна для того, чтобы постепенно видоизменять вашу натуру; я сказал: "стрижи!", и вы все всполошились, как ошеломленные, точно в вашу стаю сделали выстрел; но стоит мне сказать, что вы совсем не стрижи, а заправские литераторы, такие же люди и такие же журналисты, как и все, -- и вы придете в восторг, ваше существо просияет; затем скажу: "нет, это я вас обманул, вы стрижи, стрижи, стрижи -- и ничего более", -- и вы опять придете в исступление, и т. д. У меня в руках сильный рычаг, посредством которого я могу ворочать все ваши внутренности.

Это напоминает мне школу, в которой я учился, и в ней одного товарища, более нежели простодушного малого, которого мы называли "попочкой". Бывало, подойдешь к нему и шутики ради скажешь: "Не знаю я, попочка, за что тебя дураком зовут! право, ты совсем не так глуп!" -- и попочка весь растает, и если есть у него колбаса -- даст колбасы, если есть яблоко -- даст яблоко, разумеется, не нарисованное, а натуральное. Потом, через полчаса, тоже шутики ради, скажешь: "А ведь это я, попочка, тебя обманул, что ты не глуп: ты ведь совсем глуп!" -- и "попочка" в ярости начинает швырять чернильницы и книги и, разумеется, попадает в стену, а нередко и сам себя мимоходом изувечит... Не он ли, не этот ли самый "попочка" писал тот "отрывок из романа Щедродаров", который вы напечатали в